

История философии.

16. Стоицизм.

Автор: доктор Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Давайте вернемся к эллинистической философии. В прошлый раз мы говорили об эпикуреизме, о его истоках, в том, что касается гедонистической этики, у древних киренаиков. А затем, с добавлением атомизма Демокрита, материалистической метафизики, развилась самобытная эпикурейская философия, которая, как мы отмечали, должна была пережить возрождение и привлечь к себе значительное внимание в современную эпоху, когда научная революция эпохи Возрождения отказалась от пифагорейского и аристотелевского подходов к науке, с формальными причинами и конечными причинами.

Научная революция оставила после себя лишь материю, материальную причину, действенную причину, природные силы, и именно это привлекало Демокрита, поскольку его идеи очень напоминали его собственные. Поэтому эпикуреизм появится позже. Нечто подобное можно сказать и о стоицизме, а также об эллинистическом скептицизме и неоплатонизме.

По сути, это четыре основные эллинистические философии, и каждая из них оказала далеко идущее влияние на более поздние этапы истории мысли. Поэтому на данном этапе важно хорошо разобраться в том, что они собой представляют. Что касается стоицизма, то в прошлый раз я говорил о его корнях, отправной точкой в плане стоической этики является отношение древних циников, в частности, их отстраненность от внешних вещей, внешних удобств, внешних проблем.

В попытке вернуться к природе, жить в гармонии с ней, простым, простым способом. Думаю, что в этом отношении две ключевые темы, перешедшие в стоицизм, это, во-первых, отстраненность от внешних обстоятельств. Отстраненность от внешних обстоятельств.

Во-вторых, жизнь в гармонии с природой. Жизнь в гармонии с природой. В результате, в стоической этике как таковой, главная добродетель, к которой они стремились, то благо, к которому они стремились, называлось апатией.

Да, именно от этого термина происходит апатия. Понимаете, что такое безразличие? Апатия?

Апатия, буквально альфа-приват, а затем существительное, означает свободу от страстей. Отсутствие эмоциональных потрясений. Отстраненность в этом смысле — это эмоциональная отстраненность от внешних обстоятельств.

Рассказывают о римском рабе Эпиктете, который впоследствии стал одним из философов-стоиков, что однажды его рабовладелец жестоко издевался над ним, с силой выворачивая ему ногу, на что тот жаловался: «Ты её сломаешь». И он сломал ей ногу. И, как оказалось, Эпиктет хромал до конца своей жизни.

Отстраненность от таких телесных обстоятельств. Независимо от того, правдива эта история или нет, она иллюстрирует суть. Напоминает мне случай, когда несколько лет назад я сидел в кресле стоматолога, пока тот делал то, что стоматологи с садистской любовью любят делать.

И когда он хорошенько набил мне рот своим материалом, он спросил, чему я его учу. И когда, между бульканьем, я ему объяснил, чему именно, он еще немного поучил, и, получив соответствующий нейронный отклик, спросил: «Интересно, что бы сейчас сказал стоик?» Отстраненность, понимаете?

Я не была в состоянии сказать ему, что я не стоик. Могу объяснить почему. Но ладно, стоическое отношение.

Но дело не только в эмоциональной отстраненности. Потому что это высшее благо, апатия, может быть достигнуто рациональным контролем над страстями. Рациональным контролем над страстями.

Эта тема будет часто встречаться. В некотором смысле, она предвосхищается у Платона, где интеллект в конечном итоге должен контролировать желания. Но в наше время, в работах таких мыслителей, как Декарт и Спиноза, эта тема повторяется: эмоция, страсть — это запутанная идея.

И когда интеллект, разум, способен получить ясное и отчетливое представление о том, что происходит на самом деле, тогда эта ясность мысли рассеивает все эмоции. Разум контролирует страсти. Благодаря своей ясности понимания.

Я думаю, что это, совершенно очевидно, берет свое начало в стоицизме. Потому что стоики не просто закрывали глаза на проблемы. На боль.

Они рассматривали конкретные обстоятельства как часть мирового порядка. То есть, как логическую, рациональную, постижимую часть верховенства права во всем природном мире. И если бедствия, которые постигают вас, являются результатом действия законов природы, то что вы можете с этим поделать? Ясно это понимая, вы в состоянии принять это.

Обрести от этого рациональную отстраненность. И в будущем стараться строить свою жизнь в гармонии с природой и законами природы. Понимаете?

Таким образом, идея апатии связана с представлением о построении своей жизни в гармонии с естественным порядком, с законами природы. Следовательно, не только эмоциональные расстройства, но и моральное зло в основном обусловлены несоответствием законам природы.

Моральное зло проистекает из наших иррациональных импульсов. Например, из стремления к удовольствиям. Из жадности.

Тревога. Страх. Видите ли, под влиянием этих импульсов мы склонны действовать в сложившихся обстоятельствах способами, противоречащими природе.

Понимаете, фраза «противоречит природе» противопоставляется гармонии с природой. Противоречит природе, но гармонично сочетается с ней. А моральное зло — это то, что противоречит природе.

Грех против природы. Нечто противоестественное. Практика стоицизма была, в некотором смысле, почти религией.

Термин «природа» был примерно синонимом термина «Бог». Но это был безличный Бог. Речь идёт о своего рода пантеизме.

Своего рода пантеизм. И здесь мы начинаем углубляться в философию природы как таковой. Природа едина.

Одно единое целое. И под влиянием Гераклита это единое целое с двумя аспектами. Два способа, которыми мы можем это осмыслить.

На самом деле, термины «природа» и «Бог», кажется, указывают именно на эти два направления. Потому что если мы будем рассматривать природу как просто инертный субстрат материи, то это подразумевает нечто пассивное. Нечто упорядоченное, но не осуществляющее упорядочивание.

С другой стороны, если мы говорим о Боге, это подразумевает нечто активное. То есть не столько то, на что воздействуют, сколько то, что действует и упорядочивает природу. Таким образом, у нас есть два аспекта, если хотите.

Один пассивный и один активный. И активный, конечно же, рациональный. Пассивный же — это просто материальность.

Материальное существование, упорядоченное. Теперь в центре внимания находится этот Бог, эта активная сторона природы. И именно о Нем следует говорить как о Логосе.

Поэтому я называю это философией Логоса. Философией Логоса природы. Иными словами, действующей силой является этот космический разум.

Анаксагор называл это «нусом», разумом. Гераклит называл это «Логосом». Стоики иногда говорят о нем как о Боге или Провидении.

Между тем, материальные процессы природы включают в себя четыре стихии с циклами упорядоченности и огненного пламени. Циклическая космология. Природа, со своими упорядоченными процессами, следовательно, представляет собой детерминированную сетку.

Таким образом, законы природы представляют собой причинно-следственные силы, действующие в природе. Причинно-следственные силы упорядоченного, однородного характера, регулярные и постижимые. И, как и у других греков, так и у человеческой природы мы снова находим два аспекта природы в человеке.

Обычно мы представляем их как тело и душу. Одна пассивная, другая активная. А душу называют Логосом.

Да, как, по сути, семя Логоса. Они используют выражение *Logos spermaticos*. Семенной вид Логоса.

Это живая душа живого существа. Она пронизывает тело, наделяя его упорядоченной деятельностью и движением. Таким образом, это семя божественного Логоса, которым является человеческая душа, действует посредством восьми средств.

Пять физических чувств. Наши репродуктивные способности. Наше мышление.

И наша речь. Пять чувств, плюс пол, мышление и речь. Все это, следовательно, является живой деятельностью, ставшей возможной благодаря основополагающему Логосу.

Интересно отметить, что стоики рассматривают душу, эту жизненную силу, как нечто материальное. Не нематериальное, а материальное. И это вполне понятно, если учесть, что они отождествляют природу с Богом.

И если рассматривать природу как состоящую из четырех элементов, то, если космический Логос — это совокупность природы, а совокупность природы состоит из четырех элементов, вы увидите. И если человеческая душа — это семя этого космического Логоса, то она тоже будет состоять из элементов.

Оно тоже будет материальным. Это означает, что при воспроизведении, которое является одним из видов деятельности Логоса, душа и тело

воспроизводятся вместе. Именно это мы имеем в более поздней богословской терминологии, известной как традуцианизм.

Представление о том, что душа передается вместе с телом от отца к ребенку. Тогда это понималось так: потомство содержится в миниатюре в семени отца. Это миниатюрное потомство содержит в себе как душу, так и тело, которые, будучи помещенными в теплое место, продолжают расти, достигая детства и взрослости.

В биологии это получило название анималистического подхода. Анималистический подход, который периодически возникал в генетике под влиянием стоицизма, в последующие годы вновь появился, в XVIII и конце XVIII веков, с появлением биологии, и был вытеснен лишь с постепенным развитием современной генетики. Но этот стоический взгляд дал некоторым ранним христианским богословам способ объяснить происхождение человеческой души.

Вскоре мы заметим, что отец церкви Тертуллиан, который, как мне кажется, говорил больше антифилософских вещей, чем большинство остальных отцов церкви вместе взятых, во многом был обязан стоицизму. Но именно он, в частности, принял этот взгляд на душу и передачу души, традуцианизм, и в результате передал традуцианизм в последующее богословие. Интересно, что, и это до сих пор встречается в некоторых богословских текстах, он в той или иной степени оторван от своей первоначальной биологической основы, но всё же иногда встречается.

Итак, душа, будучи материальной сущностью, передается именно таким образом, и ранние стоики, по крайней мере, представляли себе ее спасение после смерти через воссоединение с мировой душой, с космическим логосом. Хорошо, и я думаю, еще один момент в этом общем контексте философии логоса — это влияние доктрины логоса на эпистемологию, человеческое знание. Стоики, как вы можете понять из их материализма, отвергают любое представление о нематериальных трансцендентных формах, любые платоновские или аристотелевские формы, если уж на то пошло.

Всё, что существует, — это частности различного размера и составной природы. Всё происходит из частных; ничего другого нет. Следовательно, что касается человеческого знания, то оно проистекает из впечатлений, чувственных впечатлений, которые мы получаем от частных.

Таким образом, упорядоченные причинно-следственные процессы природы порождают эти впечатления в сознании. Впечатления на чём? В сознании, которое, помимо этих впечатлений, представляет собой то, что они называли *tabula rasa*, чистую скрижаль, подобную чистой восковой скрижали, на которой

ставится печать, или чистому листу бумаги, на котором ставится маркер. Таким образом, разум пуст при рождении.

Обратите внимание, что это отличается от Платона, который утверждал, что у нас есть врожденные знания. Это отличается от Аристотеля, который говорил о потенциальном интеллекте. Не о его отсутствии, а о его богатом потенциале.

Видите ли, для стоиков мы являемся пассивными получателями чувственных впечатлений, *tabula rasa* (чистым листом). И на основе этих чувственных впечатлений мы развиваем собственные идеи, так что впечатления приводят к развитию идей.

В результате этого возникает репрезентативная теория познания. Иными словами, разум, сознание, настолько подвержено влиянию внешних сил, что возникают впечатления, которые приводят к развитию идей. И эти впечатления являются репрезентациями того внешнего объекта, который их породил .

Теперь, опять же, в эпоху Возрождения, и с этой материалистической метафизикой, это становится стандартной теорией познания, передаваемой в философию XVII и XVIII веков в Британии и на европейском континенте. Во введении вы, вероятно, встречали её у Декарта, для которого существовали идеи, якобы представляющие вещи, внешние по отношению к нам. У Джона Локка эмпирические идеи представляют собой вещи, внешние по отношению к нам.

И Декарт, и Локк очень четко указывают на то, что непосредственный объект, прямой объект сознания, — это не внешний объект, не материальная вещь. То, что вы осознаете, вы осознаете в своем уме, в своей идее. Понимаете ? Ваши идеи.

А еще чувственные впечатления. Это то, что вы осознаете. Это сразу же поднимает огромный вопрос для эпистемологии XVIII века.

Если всё, что я знаю, — это мои идеи, как я могу знать, что существует что-то подобное этим идеям? Как мы можем знать, что материальные объекты существуют? Как мы можем знать, что существуют другие разумы? Как мы можем знать, что существует Бог? Если всё, что мы знаем, непосредственно постигая , — это наши собственные идеи. И поэтому этот вопрос неявно присутствует в стоической эпистемологии. Он побудил их искать критерий истины.

Критерий, позволяющий убедиться в правильности изложения идей. Они пришли к выводу, что идеи должны быть ясными и четкими. Это интуитивный тест.

Эти идеи настолько ясны и очевидны, что не вызывают сомнений. Это непреодолимые идеи. Те, которые мы можем принять за истину.

Неотразимые идеи. Да, дело не в том, что мы сразу же, бездумно, видим, что это ясно и недвусмысленно. Но, поразмыслив, внимательно изучив, мы понимаем: да, это действительно ясное и недвусмысленное понимание, которое у меня есть.

И в этом заключается отличительная черта истины. Что ж, если это звучит как предвосхищение того, что вы, возможно, узнали ранее о Декарте, так оно и есть. Сам язык, ясные и четкие идеи, — это также язык Декарта.

Итак, это влиятельная идея, зародившаяся еще в камне. Хорошо, у нас есть корни, этика и философия природы. Теперь я хотел бы рассмотреть те фрагменты, которые есть у Кауфмана.

И давайте посмотрим на некоторые важные моменты. Три отрывка, которые у нас есть, два из них, Зенон и Клеанф, начинаются с 467 года. Зенон и Клеанф представляют ранний период греческого стоицизма, начиная со II века до н.э.

Эпиктет позже стал скептиком в римской философии. Для римских скептиков было характерно то, что они, в целом, развили гораздо более космополитический взгляд на мир, чем многие греки. Таким образом, они расширили понятие мирового порядка, включив в него весь обитаемый мир как таковой.

В своих политических размышлениях некоторые из них любят представлять весь обитаемый мир как римский мир. И римское право является воплощением этого логоса, понимаете. Но это поздний римский стоицизм, который был значительно более гуманным и гораздо менее, что, контркультурным, гораздо менее антисистемным, чем, безусловно, киники и некоторые из ранних стоиков.

Хорошо, Зенон, страница 467. Обратите внимание на темы, касающиеся законов природы. Первый импульс животного, как утверждают стоики, — это самосохранение, потому что природа делает его привлекательным для себя.

В природе животных проявляется естественный закон самосохранения. И спустя полдюжины строк становится ясно, что природа вряд ли должна отчуждать живое существо от себя самой. Мы вынуждены заключить, что природа, создавая животное, сделала его близким и дорогим себе, как будто знала, что делает.

Да, это так. Видите ли, это природа логоса. Следующий абзац посвящен утверждению некоторых о том, что удовольствие является объектом первого инстинкта животных.

Стоики доказали, что это неверно. Потому что удовольствие, утверждают они, — это побочный продукт, который никогда не появляется, пока природа не найдет средства, подходящие для продолжения существования. Другими словами, как только вы обретете инстинкт самосохранения, вы сможете стремиться к удовольствию.

Таким образом, в середине второй колонки, в случае животных, добавляется импульс, из-за которого они не способны искать свою истинную пищевую ценность. Для них, как утверждают стоики, закон природы заключается в следовании направлению импульса. Но когда разум, как более совершенное руководство, был дарован существам, которых мы называем разумными, для них жизнь, основанная на разуме, по праву становится естественной жизнью.

Разум порождает импульсы. С научной точки зрения, говорится в переводе. Да, благодаря своим знаниям.

Формирование импульсов посредством знания. Разум управляет эмоциями, страстями и импульсами. На следующей странице выше объясняется, почему Зенон первым определил в качестве цели жизнь в согласии с природой, что равнозначно добродетельной жизни.

Жизнь Клеанфа, основанная на добродетели, равносильна жизни в соответствии с истинным ходом природы. Гармония с природой. Затем, в небольшом абзаце внизу, под природой, которой должна соответствовать наша жизнь, подразумевается Хрисипп, то есть Зенон, Клеанф и Хрисипп, три главных греческих стоика. Хрисипп понимает как универсальную природу, так и, в частности, природу человека.

Обратите внимание на последнюю строку в этом абзаце, где не упоминается природа личности. Да, потому что индивидуальная природа может быть искажена страстью и тому подобным. Тогда, по его мнению, добродетель — это гармоничное расположение духа, достойное выбора ради самого себя, внутренне благое, не продиктованное надеждой или страхом перед какими-либо внешними мотивами, безразличное к внешним обстоятельствам.

Таким образом, этика будет сугубо деонтологической, этикой того, что я должен делать, чего требует естественный закон, каков мой долг, а не этикой желаемых последствий из внешнего мира. Такой подход к этике мы увидим гораздо подробнее позже. В верхней части второй колонки говорится, что когда

разумное существо извращается, это происходит из-за обманчивости внешних стремлений, иногда из-за влияния окружающих.

Исходные точки природы никогда не бывают извращенными. Конечно, ваш сосед по комнате может быть извращенцем, внешние занятия пятничного вечера могут быть извращенными, но не те, что присущи естественному порядку вещей. На следующей странице, прямо посередине, обратите внимание на эти строки.

Удовольствие — это иррациональное ликование от получения того, что кажется достойным выбора. Да, есть разница между видимостью и реальностью. Удовольствие может казаться достойным выбора, но это не так.

Это дополнительная льгота, а не то, что следует выбирать ради самой себя. Поэтому, как говорится, прямо напротив в следующей колонке, мудрец бесстрастен, апатичен, потому что он не склонен впадать в такую немощь. Они добавляют, что в другом смысле термин «апатичен» применяется к плохому человеку, то есть к бессердечному и неумолимому.

Вот это уже неправильное понимание апатии, бессердечность. Что ж, этот этический раздел, я думаю, довольно хорошо это отражает. Раздел о физике, который следует далее на странице 470, посвящен природе.

Аналогично, обратите внимание на последний абзац, посвященный 470. Во Вселенной существуют два принципа: активный и пассивный. Поняли этот абзац? Пассивный принцип — это субстанция, материя.

Действующим является разум, Бог. Он вечен, создатель различных вещей во всей материи. Затем, в середине первой колонки, на странице 471, говорится, что Бог — это одно и то же с разумом, петлей, лагами, именуемыми многими другими именами.

В начале Он был один, и Он преобразовал всю субстанцию через воздух в воду и так далее. Бог, Который является основополагающим разумом Вселенной, — это то же самое, что ваша душа для вас как для личности, семязательный лага, то есть, так сказать, зародыш, рациональный план для вас и вашей жизни. Так же Бог для всего будущего космоса подобен порядку.

Итак, Бог, являющийся основополагающим фактором Вселенной, остается во влаге, выступая в роли агента, приспособляющего материю к себе с целью перехода к следующему этапу творения. Обратите внимание на образ прорастающего семени. Видите, я нахожу его очень наглядным.

Неделю назад я посеял семена травы и теперь поддерживаю почву во влажном состоянии. И в обед я заметил первые признаки того, что из влажной земли пробиваются зеленые ростки травы, понимаете. Аналогия со семенными лоханками, приносящими плоды, используется у стоиков, понимаете.

Бог — это семя, зародышевая основа для всего будущего. Ваша душа — тоже. А затем во второй колонке, на странице 471, в последнем абзаце, мир, по их мнению, упорядочен разумом и провидением.

Поскольку разум пронизывает каждый его аспект, то же самое происходит и с душой в нас. Различие в степени выраженности в разных частях. Весь мир — это живое существо, наделенное душой и разумом.

А в главе 473, и это продолжается в самом низу главы 473, говорится, что сущность Бога — это весь мир, небеса. И так далее. А в главе 476, первом полном абзаце, говорится о восьми частях души.

А затем последняя строка в первом столбце, на странице 476, запускает процесс перевода. По их определению, сперма — это то, что способно производить потомство, подобное потомству родителя. Человеческая сперма, выделяемая родителем во влажном теле, смешивается с частями души в том же соотношении, в каком они присутствовали у родителя.

Таким образом, ребенок, телом и душой, происходит от родителя. Что ж, это довольно ясно из философии природы Логоса. Теперь еще кое-что.

Я хочу рассмотреть следующий за ним гимн Клеанфа Зевсу. Я убежден, что переводчик был знаком с версией Библии короля Якова и, вероятно, с англиканской Книгой общей молитвы. Потому что в переводе использованы некоторые идиомы классического западного христианства.

Но именно этот перевод помогает понять, почему стоицизм, по крайней мере на начальном этапе, привлекал христианскую мысль. Понятно? Теперь это звучит как гимн. Это и есть гимн.

О, Боже всеславный, именуемый многими именами, великий царь Природы, неизменный на протяжении бесконечных лет, Всемогущий, по справедливому повелению Твоему управляющий всем. Видите, это вполне могло бы быть в каком-нибудь христианском гимне. Слава Зевсу! Ибо Ты подобает призывать Свои творения во всех землях.

Зевс, сказал он, — одно из имен, которые используются. Мы — твои дети, только мы, из всех на широкой земле. Мы — твои дети.

На широкой земной дороге, что мы странствуем туда и обратно, неся Твой образ. Да, Логос Бирматический — это образ мира Логоса. Неся Твой образ, куда бы мы ни шли.

Что это за образ? Разум. Да, и отчасти благодаря влиянию стоицизма, именно так ранняя греческая христианская теология представляла себе образ Бога. Разум.

Неся Твой образ, куда бы мы ни шли. Поэтому, хвалебными песнями, я являю Твою силу. Вот, небеса, вращающиеся вокруг земли, следуют Твоему руководству и все еще воздают Тебе радостное почтение.

Твоя непобедимая рука, такой пылающий служитель, заквашенный факел, владеет обоюдоострым мечом, чья бессмертная мощь пульсирует через все, что природа порождает. Вот оно, это носитель вселенского слова, пронизывающего все, всепроникающий Логос, и в свете небесных сияний звезд больших и малых, небеса подобны земле, Царь царей на протяжении бесконечных веков, Бог, чья цель порождает то, что создается в воздухе на суше или в море, или в высоких небесах, кроме того, что грешник обольщает, не вини Бога за это. Нет, но ты знаешь, как сделать кривое прямым, хаос — порядком, в твоих глазах прекрасен нелюбимый, ты, кто гармонизировал зло с добром, чтобы было одно слово, один Логос, через все вечно, все содействует ко благу.

Одно слово, голос которого, увы, отвергают нечестивые, ненасытно жаждущие добра, — вот страсть, ибо они не видят и не слышат вселенского закона Божьего, который Те, кто почитает счастье, руководствуясь разумом, кто и когда? Остальные, безрассудные, в различных формах греха, следуют за собой по собственной воле. За пустое имя берется страсть, тщетно они борются в списках славы, другие с другими страстями чрезмерно стремятся к богатству или развратно гонятся за плотскими радостями, то здесь, то там они бесплодно скитаются, вечно ища добра и находя зло. Зевс, старый щедрый, которого окутывает тьма, чьи молнии сверкают в грозовых тучах, спаси своих детей от смертоносного влияния заблуждения, от смертоносного влияния заблуждения, я думаю, это должно быть известно, от смертоносного влияния заблуждения, отвори тьму от их душ, эти два понятия следует поменять местами, не так ли? Отвори от смертоносного влияния заблуждений тьму от их душ, Ты обеспечишь им путь к знанию, ибо Ты через знание укрепляешься, чтобы царствовать, Логос. Всё правит праведно, так мы будем чтить Тебя, постоянно восхваляя Твои дела песнями, как подобает смертным. И даже богам не принадлежит более высокого пиршества, чем справедливое почитание вселенского закона, Вселенского Логоса, вовек. Хорошо, стоицизм.

Реакция? Понимаете, в чем привлекательность? Вспомните эллинистическую эпоху. Это было время культурных и политических потрясений во всем древнем

мире. Греческие города-государства уступили место империи Александра Македонского, которая распалась, подобно Советскому Союзу, после его смерти и в конечном итоге была покорена Римской империей.

Таким образом, исторические привязанности и корни запутались, перемешались, римское гражданство распространилось, но исторические корни, религиозные и иные, просто растворились. Это огромная путаница. Так что в эллинистическую эпоху они смотрели буквально с чего? Свободы от душевных мук и свободы от телесных страданий и душевных мук? Свободы от страстной озабоченности и вовлеченности во внешние аспекты жизни? И вот философское обоснование этого.

Думаю, это довольно ясно прояснится.

Не обязательно прямо сейчас, кое-что произойдет сейчас, но в каком-то смысле история мысли содержит в себе собственную критику того, что было раньше. Другими словами, развитие христианской мысли одновременно ассимилировало стоические влияния и отвергло их. Поэтому, прослеживая это развитие, мы увидим, как развивается эта критика.

Речь идет не столько о бегстве от боли, сколько об игнорировании вопросов боли и удовольствия. Корысть исключается. Это не тот фактор, который следует учитывать.

В удовольствии нет ничего плохого, за исключением того, что оно может быть обманщиком, искусительницей. Почему мы всегда говорим это в женском роде? Думаю, политкорректность тут бы нас осадила. Ладно, искусительница.

Нет, не так... Ну, подождите, боль — да. Поскольку есть боль, есть и некоторая дисгармония. Но если это не наша вина, возникшая из-за чего-то страстного и глупого, например, переедания, то, если мы ничего не можем с этим поделать, давайте просто проигнорируем это.

Стоическая позиция. Что бы сказал стоик сейчас? Вопрос дантиста. Вы имеете в виду, в чем заключается лежащая в основе метафизика? Доктрина Логоса.

Он не говорит, что у нас нет таких способностей. Понимаете, что не является врожденным? Врожденных знаний не существует. Вот так.

В разуме нет врожденной структуры. Я сейчас начинаю понимать. в Аристотелевская точка зрения: в разуме нет врожденной структуры, которая бы автоматически заставляла нас мыслить в определенных категориях.

Помните десять категорий? Видите ли, нет, такой заранее установленной вместимости не существует.

Мы обладаем способностью мыслить самостоятельно, но изначально мы мыслим эмпирически. Понимаете? Эмпирическое обобщение основано на сборе опыта, восприятии, формировании эмпирических идей и выявлении сходств.

Видите ли. Итак, обобщение, вывод из обобщения. Да.

Законы природы. Что это такое? Ну, используется слово «сила». Силы.

Это звучит как более поздняя механистическая наука. Но по сути, мы наблюдаем просто закономерности. Однородности.

Порядок. Понимаете? Это наша способность обобщать и видеть на основе обобщений общий порядок.

Видя общую картину, частью которой являются мои нынешние неблагоприятные обстоятельства, почему я должен так расстраиваться из-за этого? Понимаете? Почему я должен принимать это близко к сердцу? И так далее.

Что ж, позвольте мне сказать кое-что о реакции христиан, если позволите, и мы увидим больше подобного по ходу дела. Думаю, первое, на что следует обратить внимание, и я ищу эту страницу с заметками. Вот она.

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что ранние христиане были очень впечатлены стоической этикой. Я не читал вам этот отрывок из Эпиктета. Посмотрите .

Это что-то в этом роде. И этический раздел из книги Зенона. Именно такие вещи произвели большое впечатление на раннее христианство.

А Климент Александрийский в некоторых своих трудах цитирует, ссылается на стоиков и восхваляет их за некоторые аспекты морализаторства. Понятно? Я сказал «некоторые аспекты морализаторства». Не обязательно заложенную в них теорию морализаторства .

Во-вторых, этот способ, в целом, получил широкое признание; именно так говорили о божественном логосе. Связывая его с прологом Евангелия от Иоанна, они признавали, что стоический логос — это логос природы.

Логос Иоанна — это логос природы, творения. Им всё сотворено, всё сотворено. В начале был логос.

Логос — это Бог. И поэтому они проводят эту ассоциацию. А затем начинают развивать на этом основе христианскую доктрину логоса, которую нам нужно будет рассмотреть подробнее.

Это развивалось по-разному. Тертуллиан, как я уже упоминал, принял стоический взгляд на душу. Один из интересных моментов, к которому я вернусь позже, заключался в том, что его привлек стоицизм в противовес гностицизму.

Древний гностицизм, ГНОСТ, как вы знаете, представлял собой своего рода дуализм. Материя — источник зла. Разум, разум — источник добра.

Видите ли, стоики говорили, что да, разум, ум, — это хорошо. Но разум, ум, материален. Следовательно, материальное, упорядоченное разумом, — это хорошо.

Итак, чтобы опровергнуть гностиков, Тертуллиан принимает стоический материализм. Иными словами, если материальный разум или душа могут быть добрыми, то и другая материя может быть доброй. А ведь в начале Бог сказал, что это добро, не так ли? Таким образом, избегается гностический дуализм.

В этом смысле. Ну, это не значит, что это влекло за собой другие проблемы. В этом отношении Тертуллиан был голосом меньшинства.

Большинство ранних христианских мыслителей, и мы рассмотрим это подробнее, в ответ на гностицизм, предпочитали платоновский взгляд. Но именно платоновский взгляд привнёс в платонизм стоическую доктрину Логоса. Понимаете? Так что о среднем платонизме мы поговорим через несколько дней.

Средний платонизм, сочетавший стоическую доктрину Логоса с элементами пифагорейства и платонизма, был принят христианской школой в Александрии в качестве общей философской основы для богословия и апологетики. Именно он впоследствии привёл к развитию неоплатонизма.

Итак, ответы христиан довольно очевидны. Теперь я хочу обратить ваше внимание на то, что когда Павел был в Афинах во время своего второго миссионерского путешествия, вы помните, он встретился с некоторыми греческими философами на Марсовом холме, и ему сказали, что это были, по крайней мере некоторые из них, эпикурейцы и стоики. Теперь, в свете того, что вы знаете об эпикурейцах и стоиках, послушайте, что сказал Павел.

Хорошо? Мужчины Афин, я вижу, что вы во всех отношениях очень религиозны. Что ж, стоицизм — да. Король Яков перевел это как «суеверный», что, вероятно, угождало эпикурейцам, которые были против любых суеверий.

Помните? Им нужен был приземлённый материализм, чтобы освободиться от всех страхов, порождаемых суевериями. Но уже само его вступление призвано привлечь внимание и вызвать у них чувство сопричастности. Проходя мимо и рассматривая предметы вашего поклонения, я обнаружил алтарь с этой надписью, посвящённой неизвестному Богу.

Теперь любой, кто захочет привлечь внимание к неизвестному Богу, безусловно, захочет иметь какое-то твердое представление о знании, подобно стоикам. Неведение — источник проблем. Неизвестный Бог.

Поэтому то, чему вы поклоняетесь как непостижимому, я возвещаю вам. Бог, сотворивший мир и всё, что в нём, будучи Господом Неба и Земли (с чем согласится любой стоик), не живёт в святилищах, построенных людьми (с чем с удовольствием согласится и эпикурейское отрицание религиозных суеверий), и Ему не служат человеческие руки, как будто Он в чём-то нуждается, ибо Он даёт всем людям жизнь, дыхание и всё остальное. Жизнь и дыхание — это Лагос.

И всё такое. Получается, он играет два музыкальных произведения одновременно. И служит ему не человеческие руки, давайте посмотрим, ведь он создал из одного народа всех людей, чтобы они жили на лице Земли.

Тот самый. Тот самый. Лагос.

В текстах римских времен каждый народ говорил о мировом гражданстве благодаря некоему Лагосу. Определив отведенные периоды и границы их обитания, упорядоченное творение должно было искать Бога в надежде, что они смогут искать Его и найти Его. Он недалеко от каждого из нас.

Ибо в Нем мы живем, движемся и существуем, как говорили некоторые из ваших пророков, ибо мы — Его потомки. Это из «Гимна Зевсу» Плиния. Я цитирую «Гимн Зевсу» Клеанфа, поэта-стоика.

Будучи потомками Бога, мы не должны думать, что божество подобно золоту, серебру или камню, являясь лишь плодом воображения и искусства человека. И эпикурейцы этому радуются. Времена невежества Бог оставил без внимания, но теперь Он повелевает всем людям повсюду покаяться, потому что Он назначил день, когда будет судить мир.

И, знаете, у стоиков было какое-то представление о грядущем цикле разрушения, которое они заверили, воскресив человека из мертвых, заверили, воскресив его из мертвых, и когда они услышали о воскресении мертвых, они отложили это на потом. Какой грек хочет воскресшего тела? Стоики придерживались позиции отстраненности. А эпикурейцы хотели полностью отказаться от идеи будущей жизни.

Если это так, то беспокоиться не о чем. Что ж, Павел, очевидно, знаком со стоицизмом. Как? Почему? Город Тарс был одним из центров стоической философии, одним из главных центров в первом веке.

Итак, Саул, по-видимому, вырос в среде, где, будучи жителем города, он был знаком со стоицизмом. Какое именно знакомство пошло ему на пользу? Проповедь на Марсовом холме была истолкована новозаветными авторами или комментаторами Нового Завета по-разному.

Одни утверждают, что, покинув Афины и отправившись в Коринф, он взялся за дело, решив изучать только Иисуса Христа и себя распятого. Что он отказался от общения с интеллектуалами. Другие с этим не согласны.

И, пожалуй, я склонен не согласиться. У него была две разные аудитории. Его аудиторией были интеллектуалы в Афинах.

Он поднялся на Марс-Хилл, и это был довольно крутой подъем. Он знал, что его там ждет. В бордели приезжали люди со всего мира.

И церковь находилась под влиянием моральной атмосферы города. Таким образом, это была две разные аудитории, два разных акцента. Но, по крайней мере, ответ Павла очень прост и проницателен.

Его стратегия, по-видимому, заключалась в том, чтобы отождествить себя с фрагментами истины, которые он видел в стоицизме и эпикуреизме. Но переосмыслить их в другом контексте, вернув им истинный смысл. Именно об этом позже расскажут Иустин Мученик и Климент Александрийский.

Когда нам говорят, что вся истина — это Божья истина, независимо от того, где она находится. И задача христианина — собрать эти фрагменты воедино и вернуть их в тело целого, из которого они были украдены. Понимаете? Именно отсюда и происходит понятие «вся истина — это Божья истина» именно в этом контексте.